

Основной мотив поэзии Некрасова

I

Много поработала русская критика над выяснением общественного значения произведений великих русских писателей, но о поэзии Некрасова у нас почти вовсе нет таких работ. Не потому ли, что общественное значение его стихотворений казалось слишком очевидным? И действительно, можно смело сказать, что девять десятых его полного собрания сочинений написано на общественные, или, вернее, гражданские темы. И тем не менее нельзя не поставить в упрек русской критике ее уклонения от своей задачи по отношению к Некрасову. Если читатель смутно понимает свои гражданские нравы и обязанности, если ему отчасти или совершенно чужды гражданские чувства, то скорбь, печаль, негодование, которыми полны стихотворения Некрасова, его покаянные слезы и лирические порывы будут мало понятны или же будут казаться однообразно надоедливыми и, пожалуй, даже беспричинными. Нельзя требовать, чтобы если не вовсе слепой, то во всяком случае подслеповатый умел полно наслаждаться художественным рисунком, чтобы раб, не чувствующий тяжести ярма, отозвался на страстные призывы героя-раба, чтобы Митрофанушка понимал Чацкого, а Софья не видела в его негодовании надоедливой и беспричинной злости. Некрасов отлично понимал это, говоря: враги мои решат вопрос, зачем ты жил, - согласно, всё меряя на собственный аршин.

Но мой судья - читатель гражданин;
Лишь в суд его храню слепую веру!

Но русская жизнь не создала гражданина, а русская критика не подготовила читателя-гражданина, и поэзия Некрасова в течение 25 лет, как иронически выразился один учитель гимназии, "лежит у нас на полочке". Я, однако же, не могу вполне согласиться с таким категорическим (погребением Некрасова) утверждением и полагаю, что если за это время вышло 6--7 изданий в количестве около 150 000 экземпляров, то надо думать, что все-таки Некрасов читался и, вероятно, всё это количество разошлось среди городских рабочих и средних классов; но во всяком случае интеллигенция его не читала, не читал и народ.

Некрасов был особенно популярен в семидесятые годы. На похоронах его в 1877 году молодежь настойчиво кричала, что он выше Пушкина и Лермонтова, и это было вполне понятно. Период семидесятых годов составляет в истории русской интеллигенции одну из замечательнейших эпох, о которой, однако же, в литературе совсем почти не упоминается. Сегодня о ней надо искать в правительственном Вестнике, в заграничных изданиях да в секретных бумагах судебного и административного ведомств. Если шестидесятые годы были периодом бури и натиска в литературе, то семидесятые были таким же периодом в действительной жизни русской интеллигенции. То, что там было, хотя и не вполне определено, вследствие цензурных условий, обосновано, то семидесятые годы стремились провести в жизнь. Всё десятилетие протекло в настойчивой народно-социалистической пропаганде среди рабочих по городам и среди народа в деревне. Молодежь толпами выезжала из Петербурга и рассеивалась по всей России. Энтузиазм доводил до фантастических грез, жестокие преследования доводили до фанатизма. Но героические усилия слабой и малочисленной интеллигенции вызвали только репрессии со стороны власти и платоническое сочувствие культурного общества - и завершились катастрофой 1 марта. С этого времени реакция захватила уже всё общество. Дальше было уже идти некуда, да и силы были окончательно истощены. Сознавшая свое бессилие, интеллигенция зачитывалась большой поэзией Надсона, под влиянием учения Толстого заговорила о самосовершенствовании, пошла в культурный скит, а худшая часть пошла в карьеризм, эстетику, спорт, даже в биржевую игру (см. повести и романы Боборыкина того времени).

Здесь я считаю необходимым указать на пагубное влияние средней школы на русскую интеллигенцию за последнюю четверть века. О вредном направлении этой школы писалось так много, что не представляется надобности долго останавливаться на этом. Всем и каждому это подлинно известно. Если бы из накопившегося за последние 25 лет в литературе материала сделать экстракт, то получилось бы нечто, способное привести в ужас.

<...> Нарушена была всякая преемственность в развитии общественной мысли. Подрастающее поколение не знало своих предшественников. Литература проходила только до Гоголя. Если и допускались Тургенев, Гончаров, Островский, Толстой, Достоевский, то под крайне узким литературно-эстетическим освещением. Добролюбов, Писарев, Чернышевский, Щедрин, Некрасов, Успенский, Решетников, Помяловский и многие другие попали прямо в число вредных и запрещенных писателей, и молодое поколение тщательно оберегалось от них. С другой стороны, их старались дискредитировать, и, так как общественной стороны их писании касаться было крайне опасно, то их подвергали шельмованию с точки зрения художественно-эстетической. И надо признаться, весьма успевали в этом. Даже лучшие люди этого поколения не могут до сих пор отрешиться от узко эстетической оценки этих писателей. Создалась целая довольно стройная художественно-эстетическая теория (теория искусства для искусства), которая как огня боится всякого проявления широкой общественной мысли в художественном творчестве; как будто бы общественные или гражданские стремления, чувства, идеалы не могут быть предметом художественной обработки. Всё это даже теперь подгоняется под шаблон тенденциозности. Получилась полная оторванность от предшествовавших литературных и общественных течений. Молодое поколение не знало родной литературы и было совершенно чуждо современным общественным задач. Лет 10--12 тому назад мне пришлось встретить молодого учителя, получившего, впрочем, воспитание в учительском институте, следовательно, застрахованного от внешкольных влияний и воспитанного вполне в смысле циркуляров, который серьезно считал Державина величайшим русским поэтом, а о существовании Некрасова, Щедрина, Успенского и не подозревал. Да и теперь вы немало встретите даже окончивших университет, не читавших этих писателей.

В литературе критики вроде Волынского забрасывали грязью Чернышевского и Добролюбова, а поэты и беллетристы старались насадить у нас декадентство и символизм. Культурные русские люди, лишённые всяких общественных и гражданских идеалов и чувств, вялые и полусонные, пьющие горькую или просто попивающие и закусывающие всю жизнь, зачерствелые, обрюзглые, осунувшиеся в безыдейной и бездейственной провинциальной жизни, не знающие, чего хотят и что им надо, нашли себе вполне подходящего талантливому и такого же безыдейного, пессимистически и скептически настроенного изобразителя. Страшно становилось за жизнь и за людей после талантливых изображений Чехова. Прочтите все восемь томов Чехова и спросите себя, разве все эти люди могли читать Некрасова, могли находить поэзию в гражданских стремлениях и идеалах. Наконец, и самая жизнь осложнилась. Жить становилось всё трудней и трудней. Крепостных работников и кормильцев не было. Запасы прежних времен истощились, проедены были все выкупные платежи, все ссуды частные, земельные и государственные. Надо было зарабатывать на существование, а школа совсем не подготовила к этому. Один оставался путь - чиновничество. И все по выходе из школы только и думали о службе, о месте, а раз заполучивши его, боялись собственной тени, чтобы и она как-нибудь не подгадила перед лицом начальства.

С выступлением марксизма и исторического материализма почувствовалось некоторое оживление; но опять-таки отсутствие преемственной связи с предшествовавшими поколениями и с главными общественными русскими течениями сыграло и здесь пагубную роль. Как-никак, а марксизм создался и укрепился на Западе и в особенности получил свое обоснование в экономическом развитии Англии, такой далекой в этом отношении от нашего отечества. Да к тому же ортодоксальные и увлекающиеся ученики довели в общем весьма ценное и в экономической сфере гениальное учение Маркса до нелепых крайностей. Личность и идеал были сведены к нулю. Идеалистические и правовые стремления были осмеяны. Всё сводилось к экономической структуре и развитию, причем это развитие совершалось как бы помимо волевых усилий личности, а по законам экономического развития, открытых Марксом. Печальнее же всего было то, что ученики с самого выступления на сцену не нашли ничего лучшего, как наброситься на шестидесятые и семидесятые годы, причем, благодаря плохому знакомству с положением дела, смешали в одну кучу и больных, и здоровых, народников вроде Златовратского, В. В. Юзова и народно-социалистическое течение 60--70-х годов. Скоро, разумеется, пришлось почти по всей линии трубить отбой, и что же теперь является на смену?

В насильственном и чисто внешнем союзе Ницше с Горьким обрели культ сильной личности и индивидуализм. Какой, подумаешь, с божьей помощью поворот: вместо объективной закономерности чисто материалистического свойства является вдруг культ

сильной личности! Но на этом новом индивидуалистическом направлении я позволю себе остановиться впоследствии, а пока окажу только, что нельзя без чувства глубокого сожаления и недоумения смотреть на шатание русской мысли за последние 25 лет, являющееся необходимым следствием нарушения преемственного развития мысли, вызванного главным образом школой.

II

Некрасова все согласно называют поэтом-гражданином. Что же такое гражданин? В академическом словаре я нашел определение этого слова, сначала очень понравившееся мне. Гражданин, сказано там, это всякий полноправный член общины или государства. Но вдумавшись, я увидел, что это определение для нас, русских, по крайней мере есть просто словесное извержение, лишенное всякого реального содержания. Общины самоуправляющейся в смысле французской или швейцарской *commune*; общины как единицы, входящей в общий строй государства у нас не существует, за исключением деревенской общины, имеющей чисто хозяйственное значение. А раз не существует такой общины, то нет и полноправного ее члена, т. е. гражданина. Затем, кто может у нас считаться полноправным членом государства?.. Есть у нас личные и потомственные граждане, но когда один из последних полюбопытствовал узнать, в чем состоят его права, то ему ответили, что, во-первых, его не имеют права высечь и, во-вторых, арестовать его может только высший чин полиции, т. е. околоточный, но я думаю, что при случае и городской сумеет это сделать. (Гражданином как полноправным членом государства может считаться только его величество, действительно полноправный и единственный гражданин своего государства). Понятно поэтому, что пояснительные примеры, приведенные в академическом словаре, нелепы и ничего не поясняют. (Любовь граждан и слава нам лишь воздвигают прочный трон - Державин. Где гражданин с душою благородной, возвышенной и пламенно свободной - Пушкин. Не будет гражданин достойный к отчизне холоден душой - Некрасов. Без Некрасова и академический словарь объяснить гражданина, оказывается, не мог). Но и с формальной стороны определение академического словаря вполне неудовлетворительно. Гражданин есть не только полноправный член общества или государства, но и обязательно действующий член, член, реализующий эти права, и эта реализация, оказывается, должна сопровождаться значительным душевным подъемом, как это очевидно из приведенных слов Пушкина и Некрасова. Мало того, гражданин озабочен не только своими правами, но и общею "судьбою своей отчизны и народа <...>

Декларация прав человека и гражданина 1789 года во Франции постановляет первым принципом право личной свободы, вторым - принцип верховной власти народа или нации, по которому никакое лицо не может осуществлять власти, не происходящей прямо от народа. Таким образом, как там, так и здесь, каждый человек есть гражданин, и каждый гражданин есть действующий член государства, носитель частицы верховной власти народа, имеющий право на личную свободу и счастье. Как пран был Некрасов, когда, не находя вокруг себя гражданина, сказал:

И если есть он между нами,
Какими плачет он слезами.

Да, было о чем плакать гражданину во времена Некрасова, быть может, в настоящее время есть о чем еще больше плакать.

Принципы этих деклараций не были только красивыми словами в свое время. В ту эпоху гражданские чувства действительно преобладают, каждый человек был глубоко заинтересован судьбою своей страны, принимая кровное и деятельное участие во всех общественных делах, и жил полную жизнь, достойною свободного и разумного существа <...>

Принципы великой французской революции на Западе до сих пор не получили полного своего осуществления, и вся общественная и политическая эволюция 19-го века шла под знаменем этих принципов, постепенно и частично осуществляя их. Даже рабочее движение, и социализм, за исключением теоретической работы, пропаганды и организации, в сущности работали для осуществления этих принципов. И в самом деле, осуществился ли за весь 19-й

век хоть отчасти один какой-либо из основных принципов социализма? Нет, и если тем не менее рабочие поливали свою кровью мостовые Парижа и участвовали в движении 48 г. в Германии, то достигли лишь только частичного осуществления политических, вернее гражданских прав, т. е. принципов 1789 года <...> Всю эволюцию 19-го века я назвал бы борьбою "за гражданские права человека, борьбою, имевшей целью перенесение верховной власти к народу, борьбою за право участия каждого человека во всех общественных и государственных делах. Эта основная тенденция 19-го века еще далеко не завершилась. Это - необходимейшее и элементарнейшее условие общежития сознательных людей. Это - боевой клич против традиций рабства ж абсолютизма! У нас в России еще не завершилось раскрепощение личности и далеко нам даже до тех относительных успехов в этом смысле, которых достигла Западная Европа. Но у нас все-таки были люди, которые понимали во всей полноте значение идеи гражданина, которую вложила в это слово эпоха конца 18-го ст.; они понимали, как тяжело, даже невозможно жить сознательному человеку без осуществления естественных гражданских прав, и они понимали, что единственно от нас самих зависит завоевание этих прав, что их нам никто даром не даст, что мы за них должны бороться. Вот почему Некрасов глубоко прав, говоря своему поэту:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

Это значило, что даже поэт, глашатай истин вековых, не так необходим, как необходим, как важен для нас гражданин. Это косвенно значило, что каждый человек должен быть гражданином.

Но сойдем с исторической почвы и оставим пока поэзию в стороне. Посмотрим, в какой мере наша обыденная жизнь нравственна, правомерна, насколько она полна и достойна сознательной личности, без осуществления гражданских прав и обязанностей...

<...> Личность должна быть свободна, но кто же делает ее не свободной, кто принижает личность как не существующий строй, установившийся режим. Проявляйте вашу силу и свободу в этом направлении, и мы опять-таки будем вас только приветствовать. Даже больше, мы пойдем с вами рука об руку. Но если вы желаете быть свободными от нравственных обязанностей и проявляете свою силу в направлении наименьшего сопротивления, если вы своими сверхчеловеческими стремлениями и личными наклонностями, свободными от всяких нормирующих уз, только отягчите положение тех.

Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно вам
Погружаться в искусство, в науки,
Предаваться мечтам и страстям,

то извините, нам будет не по пути <...>

В шестидесятые годы личность ставилась очень высоко, вспомним только "мыслящую личность" Лаврова, пад которою так издевались ученики (Бельтов). А последователи этого направления даже положили в основание своего мировоззрения теорию борьбы за индивидуальность, борьбы за свободное гармоническое, всестороннее развитие личности. Но они никогда не ставили личность в положении Кит Китыча, который требовал, чтобы его нраву не препятствовали. Они сознавали личность, живущую в среде других личностей, и ставили своей задачей всестороннее развитие всех индивидуальностей, а не одной на счет других. Индивидуалист это совсем упускает из виду. И упускает только потому, что, во-первых, у них атрофированы, благодаря установившемуся режиму, всякие гражданские чувства, сознание тесной связи со всеми людьми, а, во-вторых, потому, что у них нет традиций, нет почвы:

что вам книга последняя скажет,
То на душе у вас сверху и ляжет.

Индивид право очень похож на героя поэмы "Саша":

Сам на душе ничего не имеет -
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;
Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только наверное сеять пойдет,
Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит.

Мы любим Горького потому, что он выставил на первый план сильную личность, но делаем ему упрек за то, что он не говорит, во имя чего он ее выставляет. И как мы рады, когда он хоть отчасти отвечает на этот вопрос, как например в "Мещанах". Ницше мы едва перевариваем, потому что он со своим сверхчеловеком ушел далеко, так что от земли и не видно, по ту сторону добра и зла.

Дерзайте все-таки, господа! Культивируйте сильную личность, но только в направлении наибольшего сопротивления, и вы увидите тогда, что будете сильны и свободны, помимо своей воли исполняя в то же время свои гражданские обязанности "Зреет и крепнет душа под грозой!"
<...>

III

После всего сказанного я позволю себе утверждать, что каждый человек, стоящий на уровне современного знания, усвоивший себе основные понятия современных общественных наук и в особенности знакомый с данными анализа экономическоких отношений, выработанными политической экономией, - не может не чувствовать себя тесно связанным нравственно, экономически и граждански со всеми другими людьми, населяющими русскую землю, т. е. со всем народом. Его личные интересы, осуществление его идеалов, свободное и всестороннее развитие его личности, даже выполнение самых элементарнейших требований нравственной жизни - всё тесно и неразрывно связано с условиями жизни и быта, всего народа. Мыслимы только два выхода. Один, который когда-то проповедовал Толстой, - незнание, сужение своей жизни до аскетического существования, или же другой - признание своей неразрывной связи со всем народом и самое живое и деятельное участие в его жизни. Первое ведет к отказу от всех культурных завоеваний, к полному уединению, ограничению своих потребностей до степени, в какой сам своим личным трудом можешь их удовлетворить. Второе - ведет к широкой гражданской деятельности. Надо свою личную судьбу связать с судьбою всего народа, всего государства и жить общею с ним жизнью. Вот почему идея гражданина мне кажется такой важной и плодотворной. Вот почему я могу не быть поэтом, купцом, чиновником, учителем, судьей, но не могу не быть гражданином. Идея гражданина охватывает всю гамму чистых и возвышенных чувств, весь комплекс благороднейших идеи. Какой богатый материал для поэтического вдохновения! И если поэт есть глашатай истин вековых, если поэт есть выразитель чувств, идей и стремлений своего народа, если он - нерв своего народа, то разве он на минуту может подумать отказаться от этого богатого материала, разве он может слагать свои песни, миную основной мотив нравственного существования.

Если тем не менее находятся в настоящее время такие поэты, то, не оспаривая их поэтических талантов, я утверждаю, что они не стоят на современном уровне нравственного и умственного развития. Это во всяком случае не великие поэты, которые жгут глаголом сердца людей, которые силою своего вдохновения провидят будущее и ведут или призывают к нему! Но одного полного и всестороннего сознания идеи гражданина все-таки недостаточно, необходимо, чтобы она захватила всё существо поэта, а для этого, в свою очередь, необходимо, чтобы в нем были воспитаны соответственные чувства. В Некрасове идея гражданина нашла себе в этом отношении весьма подходящий характер, который огнем чувства оживил в нем эту идею. Детство свое он провел в деревне, которая воспитала в нем глубокую любовь к русской природе. Нежная душа матери и картины жестокости, которые он видел в детстве, как по отношению к дворовым и крепостным, так и по отношению к своей матери, которой пришлось, вероятно, много претерпевать от буйного отца, создали в нем глубокое чувство сострадания, которое, несмотря на замкнутый и с виду холодный нрав, при внимательном чтении его стихотворений так часто останавливает на себе внимание. Затем трудовая жизнь в молодости в Петербурге развила в нем глубокое почтение к труду вообще. Вспомните только его песню к труду. Да и вообще в его стихотворениях эта любовь и уважение

к труду очень часто встречаются. Эти три чувства: любовь к родной природе, сострадание и уважение к труду в свою очередь создали ту бесконечную любовь к народу, которая заполнила всю его поэтическую деятельность и придала ей народный и гражданский характер. Деспотизм отца, затем стеснения цензуры и борьба, которую он вел как журналист, воспитали и поддерживали в нем жажду свободы вообще, в частности, сознание необходимости свободы слова, ненависть ко всякого рода гнету и притеснению, которыми была так богата русская жизнь. Наконец, двойственность его характера, носившего в себе явные следы наследственности грубых, материальных и чувственных инстинктов отца, с одной стороны, и нежные идеалистические наклонности и стремления матери создали ту почву, на которой разыгрывалась бесконечная трагедия мучений совести, которая рядом с любовью к народу составляет главную тему его стихотворений.

Вот, по моему мнению, канва, по которой его поэтическое дарование чертило свои художественные узоры. Вот в то же время и тот родник чувств, который одухотворил его гражданское сознание. Так как этот характер, эти чувства развились в нем, как мы видим, вполне естественно, благодаря условиям жизни и наследственности, то я категорически отрицаю всякую предвзятую тенденциозность в его поэтической работе. Если тем не менее от некоторых его стихотворений сквозит как бы холодную односторонность, то я склонен это отнести, с одной стороны, к цензурным условиям (даже вполголоса мы не певали, мы, горемыки певцы, говорит он, обращаясь к Салтыкову. Случайно начал я писать; тут некий образ посещать меня в часы работы стал. С пером, со сткляикою чернил он над душой моей стоял, воображение леденил, у мысли крылья обрывал, говорит он в стихотворении "Суд"), а с другой стороны, к тому, что ведь, собственно говоря, Некрасову пришлось пролагать совершенно новый путь, у него не было образцов, которые он мог бы совершенствовать. Ему самому пришлось находить новые формы для новых идей, новые образы для новых настроений и чувств, и, естественно, что эти формы и образы иногда не были совершенны. Наконец, и это быть может самое главное, он, по-видимому, сознательно избегал поэтической стилистики, изысканности форлш. Для него важнее всего было отчетливо высказать свою мысль, сущность дела, сильнее выразить чувство, чтобы оно ярче запечатлелось. Да и время было горячее и жестокое:

Не розы - я вплетал крапиву
В его (Пегаса) размашистую гриву
И гордо покидал Парнас!
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму, на место казни,
В суды, в больницы я входил...
и т. д.

В стихотворении "Муза", вспоминая, по-видимому, о Музе Пушкина, ласково поющей и прекрасной, в небесной красоте, неслышимо, как дух, слетающей с высоты небес и <учащей> гармонии небесной, он говорил:

... рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков...

и далее:

Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и голода она меня вела.

Для такой музыки нужны были новые формы, новые слова, сильные, печальные, неласковые, как и она сама. И эти формы, в которые вливалось вдохновение Некрасова, были нам, может быть, новы и чужды. И тем не менее, если бы его произведения критика подвергла такому тщательному и всестороннему изучению, как удостоились Пушкин и Лермонтов, то она нашла бы в них такой богатый родник поэтических идей, образов и картин, который, пожалуй, не уступил бы Пушкинскому и во всяком случае был шире и разнообразнее, захвативший большой круг идей и имел несравненно большее общественное значение.

Я указал выше, как естественно развились в Некрасове основные черты его поэзии: любовь к русской природе и быту, сострадание, уважение к труду, любовь к народу и мучения совести, теперь постараюсь кратко иллюстрировать их по его произведениям. Мне кажется, ни один из русских поэтов не останавливался так долго и так постоянно на описании русской природы, как Некрасов; эти описания рассыпаны по всем его более или менее значительным стихотворениям, хотя редко представляют собой нечто цельное и самодовлеющее, а всегда тесно сплетаются с другими основными темами, лирическими порывами и личными настроениями.

<...> Особенно ярко выражено влияние природы на поэзию и деревенский быт в чудном стихотворении "Тишина". Обращаясь к природе, он говорит:

По ты дохнула - и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я охотно прочитал бы по крайней мере начало этого стихотворения, чтобы показать, какая неразрывная и сильная связь существует между русской природой, русским бытом и Некрасовым.

В "Рыцаре на час" опять то же глубокое единение с природой:

Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние чутко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняет ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь.
Совесть песню свою запекает...

и затем половина этого стихотворения - чудное описание природы в лунную осеннюю ночь. Примеров столько, что пришлось бы остановиться на половине всех стихотворений Некрасова. Я позволю еще обратить внимание на описание Петербурга в поэме "Несчастные", которое не имеет ничего подобного в русской литературе и далеко оставляет за собой пушкинское описание в "Медном всаднике", так как вызывает более полное представление об этом роковом городе, к описанию которого Некрасов не раз возвращался. Этот практический, холодный человек, каким описывают Некрасова знавшие его, имел чуткое, сострадательное сердце. И, что особенно характерно: эта чуткая сострадательность проявляется чаще всего при виде страданий, являющихся следствием чрезмерного труда. Ни всесторонний Пушкин, ни байронствовавший Лермонтов такой чуткости не проявляли. Прочтите "Пьяницу", "На улице", "Машу", "Несжатую полосу", "Свадьбу", "О погоде", и здесь в особенности эпизод с надрывающейся лошадей-калейкой, разговор с рассыльным Минаем и конец этого стихотворения, "На Волге" - эпизод с бурлаками, "Плач детей деревенских", "В полном разгаре страда деревенская", "Орина", "Дедушка Мазай и зайцы" и еще много других. В большинстве упомянутых стихотворений говорится также и о труде. Труд всегда привлекает внимание Некрасова и не только крестьянский труд, но труд наборщика, рассыльного, труд писателя, бурлака, землекопа, каторжника, труд детей. Перечисляя чьи-либо достоинства, Некрасов никогда не забудет о труде. Труд делает нас сильными и смелыми и, наоборот, лень превращает нас в тряпки и делает жалкими трусами. Не мечтай о 'славе, не будь падок на деньги, но желай, чтобы труд был вечно сладок, чтобы испустить последний вздох не в праздности - в работе:

Воля и труд человека
Дивные дива творят.

О Белинском он говорит:

Твой ум кипел - и новые стези
Прокладывал, работая упорно.
Ты не гнушался никаким трудом:
"Чернорабочий я - не белоручка!" -
Говаривал ты нам...

Там же, в "Медвежьей охоте":

Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая судьба;
За кроху хлеба капля пота.
Вот в двух словах его судьба.

.....

В "Гимне" также не забыт труд: "благослови народный труд". Смотри "С работы", "Железная дорога", "Кому жить на Руси" - словом, нет почти страницы в его книге, где не упоминалось бы о труде. Труд вообще и труд простой, черный труд, как предмет поэзии, явление новое не только для времени, в которое жил Некрасов, и потому вещь трудная. В русской поэзии до Некрасова, за исключением разве Кольцова, и звуков не было таких. Попробуйте воспеть труд фетовскими стихами. Да и Пушкин с Лермонтовым также чужды такого рода поэзии. Как заставить нас, белоручек, сохранивших в себе до сего времени дворянско-крепостническое отношение к черному труду, понять и прочувствовать стихи, посвященные этому труду, мало того, найти в них поэзию. Стихи непременно покажутся нам грубыми, непоэтическими, тенденциозными. А что в нас осталось много крепостнических пережитков, то мы в этом можем легко убедиться, проследив хоть один день наше отношение к прислуге. <...> Я это говорю для того, чтобы доказать, что очень часто стихи Некрасова кажутся нам прозаическими потому, что предмет их нам кажется совершенно чужд поэтической обработке. А между тем, в них во всяком случае столько же поэзии, если не больше, как, например, в батальных стихотворениях Пушкина и Лермонтова ("Бородино", "Полтава"), но мы привыкли к тому, чтобы война и военные подвиги были предметом поэзии. К этому приучили нас все классические и неклассические поэты, как русские, так и иностранные. Но труд - это полезность, а не поэзия. Хотя симпатии и уважения Некрасова всегда были на стороне всех трудящихся классов, но слово народ у него приходится понимать, главным образом, в смысле крестьянства. Этот народ он любил, о нем болел, в нем видел могучую силу и великую будущность. И это понятно. Ведь крестьянство составляло в его время $\frac{9}{10}$ всего населения. Оно было главною трудовою силой, главным производителем и кормильцем. Впрочем, и теперь почти то же, ибо во всех наших новых черных металлургических, мануфактурных производствах главный работник всё тот же крестьянин, даже и теперь не совсем оторванный от земли. Затем необходимо еще заметить, что в произведениях Некрасова главным образом народ изображен или во время крепостничества, или же непосредственно после него. Я не буду здесь останавливаться на вопросе, насколько верно изображен народ в произведениях Некрасова. Это завело бы нас очень далеко. Мне кажется, что для того времени изображение было очень верно. Некрасов не закрывал глаз перед дурными свойствами этого народа и в его стихотворениях есть немало тому примеров. Да ведь задачу Некрасова и не было изображение или изучение народа. Его задачей было выяснение тягостного положения этого народа, угнетенность его другими классами, забитость, несправедливое: "Я призван был воспеть твои страдания, терпение... народ". И эту задачу он исполнил блистательно. И народ будет ему благодарен как ни одному из русских поэтов. Уже это одно ставит его в общественном и гражданском отношении выше Пушкина, Лермонтова и всех других. Только Шевченко может быть поставлен в этом отношении рядом с Некрасовым. Эта задача, имеющая отношение к $\frac{9}{10}$ всего населения, мне кажется выше, благороднее и поэтически выше всех других задач, которые когда бы то ни было ставили себе русские поэты.

В отношениях к народу <...> интеллигенции времен Некрасова и современной существует заметная разница. Тогда вся почти интеллигенция происходила из помещиков и других сословий, непосредственно питавшихся народом и обязанных ему своим достатком, не могла под влиянием освободительных идей не увидеть себя в неоплатном долгу перед этим народом, не могла не чувствовать себя бесконечно обязанной перед ним. Теперь всё это забылось, экономические отношения осложнились, нет прежней наглядности и к тому же на выручку

теория исторической необходимости, которая, кстати сказать, всё оправдывает от инквизиции, Жакерии, Наполеоновской войны вплоть до... <зачеркнуто слово>. Я ничего не имею против этого забвения своих обязательств, так как с полного банкрота всё равно нечего взять, а покаяние и нытье пользы всё равно никакой не принесет теперь, когда нужно дело. Уже лучше совсем развязать себе руки, свободнее будет действовать, да можно будет подумать и о "своем настоящем положении в этом смысле. Оно ничуть не лучше прежнего. Мы продолжаем должать! И пока в нас не накопится достаточно гражданского мужества, до тех пор никакие покаяния и никакие исторические необходимости нас не спасут.

Кроме этой причины к покаянию, в то время, как мы видим, вполне естественно у Некрасова была еще и другая, в его личном характере, в склонности к удобствам жизни, к барскому строю ее, к различным увлечениям - порокам. Частью это передалось по наследству от отца, частью развилось в нем под влиянием условий жизни. Как бы то ни было, а каяться было о чем. И он каялся, каяк не дай бог никому!

Что враги! Пусть клеветуют язвительней
Я пощады у них не прошу, -
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу.

Он каялся не только в стихах, но и при всяком удобном случае, заикаясь и путаясь, как говорил Михайловский. Но этому покаянному настроению мы обязаны такими чудными, сильными, прочувствованными стихами, которым равных нет в русской литературе, читая которые, нам самим хочется плакать и каяться, потому что за душой у каждого из нас есть много такого, в чем покаяться должно. Блаженны неведающие, что творят. Нас подкупает в них их внешний вид невинных агнецов, их спокойная совесть. Но я уважаю больше тех, в которых совесть пробудилась. Ни Пушкин, ни Лермонтов ни в чем не каялись, а между тем в обыденной жизни были людьми, пожалуй, не лучше Некрасова. И в картишки играли, и по цыганам без просыпу пропадали, и барскую жизнь вели, и амурничали направо и налево, и дуэлировали, и стихи писали, которые низводили поэзию до свинства. Пушкин не раз с легким сердцем пописывал стихи в таком же духе, в каком были стихи в честь Муравьева, за которые Некрасова до сих пор терзают, что не мешало ему с таким же легким сердцем завтра уже писать нецензурную ругань на тех, которых он официально восхвалял. И никто их за это к суду не призывает. А почему? Потому что они не каялись и чувствовали себя всегда правыми.

Ведь к ним ближе были декабристы, почему же Некрасову пришлось писать о женах декабристов, а они даже и не пробовали. Ведь до них были Радищев и Новиков, почему же Некрасову пришлось ратовать за народ, а они об этом молчали. Ведь при них Грибоедов заговорил языком гражданина, почему же Некрасову пришлось подхватить его голос и продолжать его речь, а Пушкин и Лермонтов даже не поддержали его. Вы скажете - другие времена, но и во времена Некрасова жили Полонский, Фет, Майков, Ал. Толстой и однако же не пошли дальше своих родоначальников.

Некрасов не только грешил и каялся. Он работал и других призывал к труду, к бодрой гражданской работе. Знамя, которое он взял в руки, колеблясь и шатаясь, падая и снова поднимаясь, отступая и спеша, он донес до могилы:

Не русский взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнотом иссеченную музу.

<...> Мы должны воспитать толпу, пробудить в ней сознание гражданских прав, воспитать в ней гражданское чувство. Вот в этом деле некрасовская поэзия сослужила великую службу. Мы должны осветить эту поэзию тем светом знания, которое нам дает современная общественная наука, анализ существующих экономических и общественных отношений. Но слово без дела мертво и вот почему я приветствую литературную деятельность Горького, стремящегося вдохнуть в нас бодрость, энергию и силу, изображающего нам сильных людей, свободных от пут житейских условностей, умеющих хотеть, жадных к жизни и деятельности. Это настроение надо использовать и натравлять его на гражданский путь.

Нам пора отбросить представление об общественной и гражданской деятельности как об высшей добродетели. Это не добродетель. Это, если хотите знать, даже не обязанность, как думает Некрасов. Это необходимость, на которую наталкивает нас жизнь на каждом шагу.

Комментарии

Л. Л. Ленюк

ДВА СЛОВА О М. П. СКВЕРИ И ЕГО СТАТЬЕ

Рукопись публикуемой нами статьи М. П. Сквери в настоящее время находится в одной из частных коллекций г. Одессы.

Кто такой Сквери и что побудило его написать эту статью?

"Михаил Петрович Сквери, - читаем мы в некрологической статье о нем, - происходил из простой семьи. Отец его был выходцем из Италии, а мать - русская крестьянка, бывшая крепостная. Обладая недюжинными деловыми способностями, отец хотел дать детям образование. Михаил Петрович был помещен в немецкое реальное училище св. Павла и учился настолько успешно, что к выходу из училища... он уже свободно владел немецким и французским языками". {П. В. Владыченко. Михаил Петрович Сквери. "Каторга и ссылка", 1925, No 1, стр. 246.}

В 1871 году, из-за смерти отца, Сквери вынужден был оставить учение и поступить счетоводом на завод Гулье-Бланшарда в Одессе. По роду службы ему часто приходилось бывать в гуще рабочих, которые жестоко эксплуатировались не только русскими, но и иностранными капиталистами. И хотя Сквери шел только 19-й год, в нем тогда уже "накопились" "довольно определенная оппозиционность и радикализм". "Я даже перешагнул республиканизм и свободомыслие знакомых французов, - вспоминал впоследствии Сквери. - Социальная сторона жизни выступала передо мной довольно ярко со своими противоречиями. Я отчетливо представлял себе отношение между капиталом и трудом, всецело стоял на стороне рабочих и горячо им сочувствовал". {М. П. Сквери. Первая рабочая социалистическая организация в Одессе (1875). Одесса, 1921, стр. 17. - В дальнейшем указания на страницы этого издания даны в тексте.}

На формирование революционного мировоззрения Сквери оказала большое влияние русская и украинская революционно-демократическая литература. Сквери очень хорошо знал творчество передовых писателей своей эпохи. Среди всех русских поэтов он больше всего любил страстную революционную поэзию Некрасова и именно с ней знакомил рабочих, популяризируя творчество любимого поэта: "Из писателей, знакомых мне в то время, - вспоминает Сквери, - наибольшее влияние на меня оказал Некрасов, его стихи я заучивал наизусть, его два томика стихотворений постоянно лежали у меня на столе и часто вместо нелегальных книжек я читал собравшимся у меня рабочим его стихи. Некрасов сделал из меня народника" (17).

Бесправное положение рабочего класса глубоко возмущало юношу, и уже через несколько месяцев по его инициативе и при содействии рабочего Луценко была организована первая в России касса взаимопомощи рабочим. Организация кассы взаимопомощи привлекла внимание рабочих Одесской железной дороги, железнодорожных мастерских, которые во главе с Яном Рыбицким и Кравченко присоединились к кассе рабочих завода Гулье-Бланшарда. Затем в кассу вступает Евгений Осипович Заславский, который преобразовывает ее в первую в России политическую организацию рабочего класса - "Южнороссийский союз рабочих". Через 8--9 месяцев этот Союз был раскрыт и многие из участников, в том числе Сквери, были арестованы.

После длительного тюремного заключения все они были отправлены в Петербург. Суд над ними продолжался с 23 по 27 мая 1877 года.

На скамье подсудимых находились рабочие одесских заводов и артелей: литейщики, кузнецы, слесари, наборщики и вместе с ними молодой Михаил Сквери, которому было немногим больше 20 лет.

Как свидетельствуют материалы суда, {"Вождем общества был Заславский..., а за ним главным лицом был Сквери". - Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных и оппозиционных движений в России. Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. II, 1877, стр. 337.} Сквери был одним из наиболее активных участников рабочей организации и авторов ее устава.

Нужно отметить также, что Сквери был хорошо знаком с западноевропейским революционным движением, интересовался историей буржуазной революции конца XVIII века и Парижской коммуны. От имени членов Южнороссийского союза рабочих была послана приветственная телеграмма парижским рабочим в годовщину Коммуны (1875) (6).

Рассказывая о суде, Сквери приводит очень интересный факт о присутствии на нем И. С. Тургенева. Он интересен тем, что показывает отношение участников Союза и в частности Сквери к роману Тургенева "Новь":

"В первый день процесса, сидя за креслами судей, присутствовал И. С. Тургенев, роман которого "Новь" только что появился в печати. Не зная внутренней подкладки дела, судя только по внешности, писатель мог составить себе весьма поверхностное представление о нем и о людях, которые перед ним сидели. Вспоминался эпиграф к его роману и хотелось через головы этих судей сказать ему, что и он свою "новь" поднял "поверхностной сохой", а "не глубоко забирающим плугом"" (9).

Сибирская ссылка не сломила Сквери, а, наоборот, еще больше закалила как активного революционного деятеля, "служаку социализма, - как характеризовали его соратники, - полвека слишком послужившего народу и революции". {"Кандальный звон", Одесса, 1925, No 1, стр. 135.}

Значительно позже, оценивая значение деятельности Южнороссийского союза рабочих, Сквери писал: "... мы были еще далеки от экономического материализма и нам была совершенно чужда и незнакома марксистская концепция объективной необходимости превращения капиталистического общества в социалистическое" (13--14). Но в то же время он хорошо видел положительные стороны Союза, членом которого он был, и справедливо подчеркивал главную его заслугу: "... главное - рабочий класс выдвигался здесь как деятельный и самостоятельный участник борьбы за свое освобождение" (14).

Еще в молодости испытал на себе сильное влияние революционной русской и украинской литературы, Скверн и в ссылке продолжает глубоко интересоваться творчеством русских революционных демократов: "Добролюбов... Чернышевский, Гл. Успенский, Салтыков пришли позже, когда я сидел в тюрьме, - утверждает Сквери, - и укрепили, углубили и расширили то, что вскормила в душе "муза мести и печали"" (17).

Увлечение поэзией революционных демократов не только способствовало формированию характера молодого революционера, но и породило в нем желание самому писать. Известен ряд стихотворений Сквери из цикла "Дни и Годы", которые он начал писать в 1875 году. Одно из них, видимо, относится как раз к моменту разгрома Южнороссийского союза рабочих:

Как много жертв, как достижений мало!
Но пораженья я не признаю:
Гонимый и больной, взываю к высшим благам
Добра и Красоты. Я крадущимся шагом
Иду вперед, чтоб умереть в раю
Моей мечты, под красным флагом!¹

Несмотря на временное поражение, Сквери, как видим, не отказывается от своих революционных убеждений.

Несколько строф, известных нам из других стихотворений, свидетельствуют о том, что Сквери горячо верил в силу русского народа, в конечное торжество революции:

Я идолов свергал в своем пути не мало,
Тайн и чудес давно познал я нищету,
С "героев" я срывал забрало
И богу вечному не льщу:
Не верю в бога, но в Россию.
В народ... я верую в народ,
Не жду грядущего Мессию -
Народ и сам свой звездный путь найдет!²

Революция 1905 года застала Сквери за горячей работой по организации ремесленных рабочих Молдаванки. Это не мешало ему отдавать свое время и любимому библиотечному делу. Его кипучая деятельность не ускользнула от недремлющего ока полиции, и в 1907 году за участие в организации Всероссийского съезда учителей, на который Сквери был избран делегатом от Одессы, он попадает в тюрьму. Но как только Сквери освободился из заключения, он снова с головой окунулся в просветительную работу.

В рабочем районе Одессы, на Молдаванке, он организует общественную библиотеку, "где можно было встретить нелегальных партийных работников, почитать нелегальную книжку, устроить импровизированное рабочее собрание... Михаил Петрович, оставшийся двенадцать лет (вплоть до 1916 года) душой этой организации, подвергался непрерывным преследованиям, арестам и угрозам административной высылки, библиотека же неоднократно и на продолжительное время закрывалась". {Там же, стр. 249.}

После Великой Октябрьской революции, когда была создана Комиссия по разработке и охране революционных архивов, из которой потом создался "Испарт", Сквери становится одним из деятельных ее сотрудников.

Он сотрудничает в журнале "Каторга и ссылка", в одесских "Известиях" Губисполкома и во многих других периодических изданиях. Умер Сквери в 1924 году.

Публикуемая рукопись, насколько можно судить по ее палеографическим данным, была написана в начале 1900-х годов. Она могла быть приурочена автором к 25-летию со дня смерти Н. А. Некрасова (1902).

Статья "Основной мотив поэзии Некрасова" состоит из трех частей. В первой рассматриваются причины, побудившие написание ее, во второй части автор останавливается на объяснении слова "гражданин", а также на том, как понимал его значение Некрасов. В третьей, заключительной, части дается анализ произведений Некрасова.

В публикуемой рукописи наряду с проницательными в общем оценками поэзии Некрасова есть и уязвимые стороны. Являясь сторонником субъективного метода в социологии, автор неверно определяет соотношение объективных и субъективных факторов в процессе общественного развития. Ошибочными являются также суждения автора об историческом значении и достоинствах поэзии Пушкина и Лермонтова. Вместе с тем даже слабости этой работы представляют для нас познавательный интерес, поскольку они выражают взгляды не одного Сквери, но и значительной части русской народнической интеллигенции.

Ввиду большого объема статьи (около двух печатных листов) мы публикуем ее в извлечениях.

Примечания

¹ "Каторга и ссылка", 1925, No 1, стр 251.

² Там же.